

Стиховые черты в прозе С. Довлатова

Ксения Ермакова, студентка, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Москва), kvermakova@edu.hse.ru

В работе анализируется влияние поэтического опыта Сергея Довлатова на его прозу. Исследование включает в себя анализ стихотворений из сборника «Армейские письма к отцу» и анализ ранней прозы автора, что позволяет выделить общие черты его поэтики в разные периоды творчества. Также прозаические тексты Довлатова рассмотрены с точки зрения наличия в них «признаков лирических черт», выделяемых М. Л. Гаспаровым, и их значения для текстов. Статья раскрывает постепенный переход Довлатова от стихов к прозе. Изменения прослеживаются с точки зрения ритма и жанра произведений: ранние прозаические тексты автора более ритмизованные, чем поздние. Усиленная ритмизация ранней прозы Довлатова – отголоски его поэтического опыта. Так, первой автор меняет форму (стихотворную на прозаическую), но оставляет ритм. Позже Довлатов использует и его в меньшей степени – на смену сильной ритмизации текста приходят новые, особые правила письма (автор начинает все слова одного предложения с разных букв). Таким образом Сергей Довлатов постепенно меняет способ достижения «емкости» текста с более «лирического» на более «прозаический».

Ключевые слова: русская литература XX века, ритмическая проза, поэзия Довлатова, эволюция творчества

Для цитирования: Ермакова К.В. Стиховые черты в прозе С. Довлатова // Метаморфозис. 2025. Т. 10. № 1. С. 27-44.

Дата поступления: 29.07.2025.

Научная разработанность темы

Эта статья посвящена стиховым чертам в прозе Сергея Довлатова. Как будет продемонстрировано ниже, хотя вопрос о стиховых чертах в прозе Довлатова уже становился предметом исследований, подробный анализ устройства формы текстов Довлатова – в контексте специфической эволюции его творчества – проведен не был. Этот вопрос представляется многогранным, поэтому в этой статье рассмотрен сразу с нескольких сторон. Во-первых, анализируется влияние раннего поэтического опыта Довлатова на форму его прозы. Во-вторых, лирика автора рассматривается

автономно от поздних прозаических текстов: стихотворения исследуются на предмет сквозных для прозы тем, прослеживается зарождение авторского стиля. И наконец, в-третьих, описывается последовательный процесс эволюции творчества Довлатова – от стихов к прозе. Исследование ставит перед собой цель проанализировать устройство лирических и ранних прозаических текстов Довлатова на предмет поэтических черт.

Вопрос различия прозы и поэзии

Для того чтобы обозначить, что подразумевается под «стиховыми» чертами, обратимся к исследованиям, посвященным этой теме. Вопрос об определении границы между поэзией и прозой волнует исследователей уже давно. С начала двадцатого века множество научных работ было посвящено этому вопросу. В этом разделе будут рассмотрены некоторые из них.

М.Л. Гаспаров в 1993 году в книге «Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях» определяет стихосложение (версификацию) как «способ организации звукового строения речи, по которому речь делится на две большие категории – стихи и прозу»¹. На вопрос о том, как отличить одно от другого, он дает однозначный ответ: «Стих – это прежде всего речь, четко расчлененная на относительно короткие отрезки, соотносимые и соизмеримые между собой. Каждый из таких отрезков тоже называется “стихом” и на письме обычно выделяется в отдельную строку»².

Для этого исследования принципиально важны наблюдения М.Л. Гаспарова. В упомянутой книге он затрагивает вопрос о природе границы стихов в прозе: «Что в произведениях, обозначаемых этим парадоксальным термином, идет “от стиха” и что “от прозы”?»³ Он заключает, что «от стиха» идут «признаки лирического жанра», которые традиционно разрабатываются в стихах. Среди них: «общая установка на выражение субъективного впечатления или переживания; круг образов, мотивов, идей, характерных

¹ Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х–1925-го годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993. С. 5.

² Там же. С. 5.

³ Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х– 1925-го годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993. С. 15.

для поэзии данного времени <...>; бессюжетная композиция, повышенная эмоциональность стиля, небольшой объем, членение на малые абзацы, подобные строфам»⁴. М. Гаспаров отмечает, что эти признаки лиризма, поскольку непривычны для прозы, особенно действенны в ней. Несмотря на это, их наличие не делает текст поэтическим, так как в нем отсутствуют сами признаки стиха: членение на соизмеримые отрезки, с концевыми рифмами, которые подчеркивали бы это членение, соизмерение метра и ритма.

Исследования поэтического в прозе Довлатова

Теперь стоит осветить вопрос о характере влияния поэтического опыта Довлатова на его прозу. Эта тема уже становилась объектом внимания исследователей.

Ю.Б. Орлицкий рассматривает прозу Довлатова в контексте эпохи и отмечает, что ритмизация прозы характерна для писателей третьей волны эмиграции из-за общей эстетической ориентированности. Исследователь выделяет некоторые «элементы стиха» прозы Довлатова: ритмизация текста создает комический эффект, может использоваться в «авторских описаниях»⁵.

А.А. Генис акцентирует внимание на «лаконичности» прозы Довлатова и связывает ее с «поэтичностью» текстов автора: «Каждое слово здесь, как в стихотворении, всегда подчеркнуто, всегда стоит именно на своем месте, с которого его нельзя сдвинуть, не разрушив ритмического рисунка»⁶.

В.И. Хаит в статье «Истоки Музыки» комментирует путь Довлатова от поэзии к прозе так: «Не ощущая в себе большого поэтического дара, но относясь к поэзии с огромным пиететом, он считал себя достойным лишь прозы. Но интуитивно чувствовал, что путь этот пролегает через стихи»⁷. В.И. Хаит концентрирует внимание на темах и образах из стихотворений автора, которые в дальнейшем получили развитие в его прозе.

Можно заметить, что в существующих исследованиях творчества автора не представлен достаточно подробный анализ формы. Теперь, когда степень изученности вопроса обозначена, можно приступить непосредственно к анализу творчества Довлатова.

⁴ Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х– 1925-го годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993. С. 15.

⁵ Орлицкий Ю.Б. Стиховое начало в прозе третьей волны // Литература «третьей волны». Сборник научных статей / под ред. В.П. Скобелев. М.: Изд-во «Самурайский университет», 1997. С. 56.

⁶ Генис А.А. Сад камней // О Довлатове. Статьи, рецензии, воспоминания. Тверь: Другие берега, 2001. С. 23.

⁷ Хаит В.И. Истоки музыки. О письмах Сергея Довлатова отцу из армии // Вопросы литературы. 2002. №3. С. 272.

Влияние поэтического опыта на прозу Довлатова

Сергей Довлатов известен прежде всего как прозаик, несмотря на то, что стихи он писал, и нередко. Он не относился к ним серьезно, как к чему-то самостоятельному. Об этом свидетельствует его письмо отцу, в котором он рассуждает о перспективах творчества: «Я думаю, что если когда-нибудь я буду писать серьезно, то в прозе»⁸. В то же время стихотворения были для него постоянной формой самовыражения. В книге «Довлатов и окрестности» А.А. Генис пишет: «В рифму он сочинял километрами. Записки посылал обычно в стихах»⁹.

Стихотворения Довлатова постепенно начали публиковаться уже после его смерти. В 1999 году в журнале «Звезда»¹⁰ была опубликована переписка Довлатова с отцом, значительную часть которой занимают стихотворения.

В письме от 2-го августа 1962-го года Донату Мечику С. Довлатов посылает несколько «профессиональных» стихотворений – они содержали в себе информацию о его опыте работы в тюрьме и взаимодействии с заключенными.

ПОГОНЯ

(веселая песенка)

А след по снегу катится
Как по листу строка
И смерть висит, как капелька
На кончике штыка
Под ветром лес качается
И понимает лес,
Что там, где след кончается
Сосновый будет крест
А снег сверкает кафелем
Дорога далека
И смерть висит, как капелька
На кончике штыка¹¹

Стихотворение «Погоня» автометаописательное: процесс написания стихотворения уподобляется погоне за сбежавшим заключенным. Автор использует трехстопный ямб, что делает темп стихотворения быстрым и неравномерным, имитирующим темп погони: стихи с мужскими и дактиличе-

⁸ Довлатов С.Д. Сквозь джунгли безумной жизни: Письма к родным и друзьям. М., 2003. С. 122.

⁹ Генис А.А. Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 1999. С. 37.

¹⁰ Сергей Довлатов. Армейские письма к отцу // Творчество, личность, судьба. СПб.: Журнал «Звезда», 1999. С. 36-79.

¹¹ Там же. С. 40.

скими окончаниями чередуются, рифма перекрестная. Стихи с мужскими окончаниями следуют за стихами с дактилическими, поэтому тот факт, что они обрываются на ударном слоге, создает эффект неожиданной концовки, оборванности на полпути. Это впечатление усиливается тем, что мужские ударения падают на слова с семантикой конца: первое мужское окончание находится в стихе «Как по листу строка», которое завершает строку стихотворения, тем самым усиливая метатекстуальность произведения. Следующий стих, оканчивающийся мужским окончанием – «На кончике штыка», здесь ударение на финальном слоге заостряет «кончик» штыка. За ним следует строка «Сосновый будет крест», в которой образ креста объединяет в себе конечность погони, жизни преследуемого и, конечно, самого стиха. Следующее мужское окончание («Дорога далека») выбивается из череды предыдущих – оно указывает на то, что ни погоня, ни жизнь, ни стихотворение пока не завершены.

Стихи с дактилическими окончаниями, напротив, – описательные: «А след по снегу катится», «И смерть висит, как капелька», «Под ветром лес качается», «И там, где след кончается», «А снег сверкает кафелем». Так, строки с мужскими окончаниями шокируют читателя с помощью звучания (количество слогов и рифмы) и смысла (соположение образных рядов: «А след по снегу катится / Как по листу строка»; развитие сюжета погони: «Сосновый будет крест», «Дорога далека»).

Финальные строки стихотворения – рефрен: «И смерть висит, как капелька / На кончике штыка». Это усиливает впечатление незавершенности погони, нагнетает тревогу от непредотвратимости конца.

Заголовок «веселая песенка» создает эффект абсурдности: «веселым» в стихотворении может показаться разве что размер. Подобная ирония подчеркивает обыденность ужаса для тюремной реальности: ожидание неизбежного становится настолько привычным, что «кладется» на «веселый» мотив.

В письме от 26-го ноября 1962-го года Довлатов отправляет стихотворение «Дамское танго».

ДАМСКОЕ ТАНГО

(Т. Лавриковой)

Я умею танцевать танго,
И танцую я его ловко.
Только зря ты все глядишь, Таня,
Ты уж лучше пригласи Левку.
Вы, по-моему, вполне пара,
Он ведь парень боевой с Охты,
Ты, Танюша, пожалей парня,
Он давно уж по тебе сохнет.
Ты красивее других, тоньше,

И глаза твои синей моря,
 Ты танцуешь, будто ты тонешь,
 Будто ты себя спасти молишь.
 Танцевали мы с тобой часто,
 Я хочу тебе сказать честно,
 Я же чувствую, что ты чья-то,
 Но, послушай, ведь и я чей-то.
 Есть у каждого из нас тайна.
 Патефон давно охрип, шепчет.
 Лучше вальса подождем, Таня,
 Мне его не танцевать легче.¹²

В стихотворении «Дамское танго» Сергей Довлатов экспериментирует с ритмом и использует смешанный логоэд, схема стихов которого выглядит так:

(_ - безударные слоги, ' - ударные)
 _ _ ' _ _ _ ' ' («Я умею танцевать танго»)
 _ ' _ ' _ ' ' («Будто ты себя спасти молишь»)
 _ _ ' _ ' _ _ ' («Ты танцуешь будто ты тонешь»)

Жанр этого стихотворения – послание, и особенный размер придает ему разговорную интонацию. Помимо этого, прерывающийся и непостоянный темп текста передает особенность исполнения танца: такт в танго состоит из четырехстопных долей, сильные из них – первая и третья. Регулярный ритм танца предполагает шаги в первой, третьей или обеих долях и, соответственно, остановку во второй и четвертой. Нарушение регулярного ритма – синкопа – создается, когда танцевальные шаги совершаются в двух долях подряд, например, в первой, третьей и четвертой. Имитируя синкопу, в большинстве стихов «Женского танго» за длительным промежутком без ударений автор ставит два ударных слога подряд.

Ритм текста уподобляется темпу танца героев стихотворения – этим подчеркиваются конфликт и неопределенность их отношений («Я же чувствую, что ты чья-то, / Но, послушай, ведь и я чей-то»). В финальных строфах мы видим иронию, построенную на несоответствии: лирический герой сначала отказывается девушке в танце («Только зря ты все глядишь, Таня / Ты уж лучше пригласи Левку»), а в конце сдается: «Лучше вальса подождем Таня / Мне его не танцевать легче».

Итак, в раннем периоде творчества автор активно экспериментирует с ритмом и часто использует нераспространенные размеры, например, трехстопный ямб или логоэд. При этом Довлатов взаимодействует с литератур-

¹² Сергей Довлатов. Армейские письма к отцу // Творчество, личность, судьба. СПб.: Журнал «Звезда», 1999. С. 54.

ной традицией: тематика текстов соответствует семантике, закреплённой за определённым размером.

Поэтические черты в прозе Довлатова

Иосиф Бродский в «Эссе о Сереже Довлатове» пишет о творчестве автора так: «Двигало им вполне бессознательное ощущение, что проза должна мериться стихом. <...> Он стремился на бумаге к лаконичности, к лапидарности, присущей поэтической речи: к предельной ёмкости выражения».¹³

Действительно, Сергей Довлатов воспринимал формальные черты стиха, то есть условия, которые необходимо соблюсти, чтобы создать текст (стихотворение), как стимул искать наиболее подходящие слова, чтобы наиболее точно высказываться. И в прозе он ощущал нехватку этих условий, этого стимула. В письме от 21 июня 1986 года Науму Сагаловскому он рассказывает о своем «психозе»¹⁴: «Я считаю, что каждый прозаик должен надевать какие-то творческие вериги, вводить в свое письмо какой-то дисциплинирующий момент. В поэзии роль таких вериг играет рифма + размер. Это дисциплинирующее начало уберегает поэтов от многословия и пустоты. У прозы таких рамок нет, их, мне кажется, надо вводить искусственно»¹⁵. В этом же письме он приводит пример подобных «вериг»¹⁶, которые использует сам: «Что касается меня, то вот уже лет шесть я пишу таким образом, что все слова во фразе начинаются у меня на разные буквы. Даже предлоги не повторяются»¹⁷.

Солдаты на Невском

Рассказ «Солдаты на Невском», написанный в шестидесятых годах, относится к ранней прозе Сергея Довлатова. Как отмечает Л.В. Самыгина, тексты автора составлены, вероятно, таким образом, что предполагают зачитывание вслух и даже декларирование. Многие используемые автором приемы проявляются ярче при аудиальном восприятии, например, ритм текста или внутренние рифмы.

Краткость присуща не только формулировкам, но и предложениям, даже абзацам. Бродский в уже упомянутом эссе противопоставляет стиль Довлатова остальной русской прозе, характеризуя русских как «людей при-

¹³ Бродский И.А. Эссе о Сереже Довлатове // Довлатов С.Д. Собрание прозы: в 3 т. Т. 3. СПб.: Лимбус-Пресс, 1995. С. 358-365.

¹⁴ Довлатов С.Д. Сквозь джунгли безумной жизни: Письма к родным и друзьям. М., 2003. С. 239.

¹⁵ Там же. С. 240.

¹⁶ Там же. С. 240.

¹⁷ Там же. С. 240.

даточного предложения»¹⁸. Напротив, синтаксис Довлатова в большинстве случаев прост.

Предложения и абзацы в тексте очень емкие, и каждый из них обладает своим ритмом. Начало первого предложения построено так, что если превратить строки в стихи, то получится хорей: «Рано утром на плацу Капитан Чудновский высказался следующим образом» получается преобразовать в такие стихи: «Рано утром на плацу / Капитан Чудновский...»¹⁹

Второе предложение вторит первому хореем: «Кто шинель укоротит хотя на палец – будем взыскивать!»²⁰ Бросается в глаза тот факт, что ритм во фразе сохранен намеренно – путем отказа от частицы «бы», которая чаще используется с «хотя» вместе; но нельзя отрицать и того, что от нее автор отказался из-за правила не начинать слова из одного предложения с той же буквы – слово «будем» показалось ему важнее. За этим следует:

Он задумался и добавил как-то совсем не по-военному:

– Притом это не модно, если верить журналу «Силуэт»...²¹

В этих предложениях герой задумывается, характер его реплик меняется, как и ритм текста. Слова длиннее, чем в двусложных отрывках, а ударения, следовательно, расположены не через один или два слога от безударных, а значительно реже. Это бы заметно замедляло темп речи при зачитывании текста вслух. Снижение темпа речи коррелирует с задумчивостью героя. И наоборот, когда герой командует, то есть говорит скоро и повелительно, его реплики «укладывается» в хорей: «Кто шинель укоротит хотя на палец – будем взыскивать!»²²

Ритм меняется часто, в большинстве случаев – даже внутри одного предложения. Рассмотрим это подробнее на примере двух абзацев:

У ефрейтора Гаенко шинель была обрезана, подшита, но все равно из-под нее едва виднелись ослепительно начищенные яловые сапоги.

Стоял ефрейтор Гаенко в шеренге последним. Он и только он на вечерней проверке, делая шаг вперед, задорным голосом восклицал:

– Расчет окончен!²³

В первом предложении абзаца ритм меняется несколько раз: «У ефрейтора Гаенко...» – можно назвать хореем; за ним следует отрывок, кото-

¹⁸ Бродский И.А. Эссе о Сереже Довлатове // Довлатов С.Д. Собрание прозы: в 3 т. Т. 3. СПб.: Лимбус-Пресс, 1995. С. 360.

¹⁹ Довлатов С.Д. Солдаты на Невском // Малоизвестный Довлатов. Сборник. / Сост. А.Ю. Арьев. СПб.: Журнал «Звезда», 1995. С. 335.

²⁰ Довлатов С.Д. Солдаты на Невском // Малоизвестный Довлатов. Сборник. / Сост. А.Ю. Арьев. СПб.: Журнал «Звезда», 1995. С. 335.

²¹ Там же. С. 335.

²² Там же. С. 335.

²³ Там же. С. 335-336.

рый можно преобразовать в два стиха, написанных разностопным ямбом: «...шинель была обрезана, подшита, / но все равно из-под нее едва виднелась...» Этот отрывок с не прерывающимся ритмом объемнее, чем многие другие.

Надо также отметить особое звучание текста, которое создается за счет анафоры – не только словесной (оба предложения начинаются словосочетанием «ефрейтор Гаенко»), но и звуковой: и в первом, и во втором предложениях несколько ударений подряд падают на букву «е»: «У ефре́йтора Гае́нко шине́ль была обре́зана»; «Стоял ефре́йтор Гае́нко в шере́нге после́дним». Еще один прием, создающий особое звучание – внутренние рифмы: «шинель» рифмуется с «подшита» в первом предложении, и «...Гаенко в шеренге...» с «...вечерней поверке...» во втором.

В иных, более длинных абзацах ритм не только успевает смениться несколько раз, но и повторяется:

«Любовные истории, которые Гаенко рассказывал после отбоя, волновали ефрейтора Рябова, открывая перед ним, уроженцем глухой Боровлянки, таинственный мир с красивыми вдовами, ночными поездками в такси, умелыми драками, загадочными нежными словами: декольте, будуар, гонорея...»²⁴

В этом абзаце ритм сменяется с двусложного на трехсложный, как постепенно меняется и повествование – от описания действий героя, рассказывающего другу истории («Любовные истории, которые Гаенко»), к образному восприятию другом этих историй. Во второй части преобладает трехсложный размер: «...рассказывал после отбоя...» (амфибрахий, 3 стопы), «...волновали ефрейтора Рябова, / открывая / перед ним, уроженцем глухой Боровлянки, таинственный мир...» (анапест), «...с красивыми вдовами, / ночными поездками <...> /, умелыми драками» (амфибрахий, 2 стопы), «...загадочными нежными словами:...» (между ударениями ровно по три слога), «...декольте, будуар, гонорея...» (анапест).

Хочется подчеркнуть, что так как слово «гонорея» стоит в финале предложения и создает комический эффект за счет абсурдности и разрушения ожиданий читателя, и так как текст по многим параметрам предполагает устное воспроизведение, рассказ Довлатова начинает напоминать «Шинель» Гоголя своей «сказовостью», а конкретно, вспоминается «геморроидальный» цвет лица Акакия Акакиевича, особое звучание которого отмечает Б.М. Эйхенбаум²⁵.

²⁴ Довлатов С.Д. Солдаты на Невском // Малоизвестный Довлатов. Сборник. / Сост. А.Ю. Арьев. СПб.: Журнал «Звезда», 1995. С. 336.

²⁵ Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б.М. О прозе. О поэзии. Л.: Худож. лит., 1986. С. 36.

Как уже упоминалось, текстам С. Довлатова присуща краткая форма – в большинстве своем это рассказы или состоящие из них повести. Его тексты сильно «концентрированы» ритмически и образно, абзацы, в свою очередь, часто состоят из одного предложения. В то же время сюжет явно ослаблен, текст удерживает внимание читателя постоянно меняющимся темпом, «красочностью» образов, а не интригой развязки.

В анализируемом рассказе ритмизация не прекращается – меняется только ее размер. Автор меняет ритм намеренно: пауза, образующаяся при этом, создает особую интонацию речи, является равноценной ритмизации приемом. В пример можно привести реплику героя Рябова: «Это верно, Андрюха, есть такая птичка – колибри, размером с чмеля’?..»²⁶ Фраза начинается анапестом («Это верно, Андрюха, есть...»), рвется на слове «такая», а затем продолжается: «...колибри, размером с чмеля’?..», который сам по себе можно охарактеризовать как амфибрахий. Однако, если убрать из предложения слово «такая», которое не несет самостоятельного смысла, все предложение складывается в непрерывные шесть стоп анапеста: «Это верно, Андрюха, есть [такая] птичка – колибри, размером с чмеля’?..»

Равноценно этому замечанию и другое: ударение, поставленное на слове «чмеля’» – авторское. Вдобавок к тому, что слово используется с орфоэпической ошибкой (не «шмеля», а «чмеля»), ударение подчеркивает деревенское происхождение героя. Функция орфоэпической ошибки, призванная охарактеризовать героя, сохранила бы свою художественную функцию, если бы слово воспринималось читателями как «чме’ля». Автор принципиально сохраняет ритм в этом месте, ведь он уже рвался до этого – на слове «такая». И образуемая этим пауза важна: она обеспечивает паузу, необходимую для вопросительной интонации и последующего пояснения: «Это верно, Андрюха, есть такая птичка – колибри, размером с чмеля’?..» Так, нарушение ритма помогает имитировать разговорную интонацию героев: «Студентки белое и пить-то не станут»²⁷. Здесь, опять же, если убрать частицу «то», ритм (ямб, 5 стоп) не рвется.

Большой объем текста уделяется описанию – героев, города, прохожих, атмосферы в целом. Не зря герои несколько раз обсуждают девушек, но так и не знакомятся с ними, – они важны как образы-составляющие «Невского», а не как герои, которые разовьют сюжет. То же и с городом, который не является ненавязчивым фоном для развития сюжета. Напротив, описание города – объемная часть текста по размеру и содержанию.

Мрачные, без окон, склады и пакгаузы не сдерживали порывов осеннего ветра, который гонял по пустырям омертвевшие листья, бумаж-

²⁶ Довлатов С.Д. Солдаты на Невском // Малоизвестный Довлатов. Сборник. / Сост. А.Ю. Арьев. СПб.: Журнал «Звезда», 1995. С. 337.

²⁷ Там же. С. 338.

ки и сор, образуя тут и там крошечные случайные водовороты. Трубы цементного завода четко выделялись на фоне бледного невидимого неба, их параллельные стволы казались такими надежными среди всей этой зыбкой и потускневшей осенней природы. Над мокрыми крышами покачивались бледноватые сентябрьские кроны, и сами крыши выглядели мрачно, в сыром их блеске не было утренних красок...²⁸

Этот абзац является полностью описательным, и он крупнее большинства других. Абзацы, схожие с ним по размеру, направлены на описание контекста поездки солдат, то есть, как и он, составляют образ города, но другим путем – они уточняют контекст пребывания героев в городе. Этот описательный абзац отличается от остальных усложненным синтаксисом (есть деепричастие, значительно больше прилагательных), большим количеством тропов (в основном – эпитетов). Отличается от остального текста отрывок и тем, что Довлатов, обычно стремящийся к предельной краткости, здесь, в пространстве трех предложений, использует некоторые слова повторно: «мрачные <...> склады» и «крыши выглядели мрачно». Также он использует даже не по одному эпитету применительно к некоторым образам, а по два, уточняя их до той степени, что они могут показаться избыточными в сравнении с остальным текстом, например: «бледное невидимое небо», «зыбкая и потускневшая <...> природа».

В приведенном ниже отрывке резко меняется тон повествования. Первое предложение абзаца – указание на передвижение героев. За ним следует подробнейшее и объемное по размеру описание места, которое они наблюдают:

Они прошли метров двести по Невскому, свернули на Литейный, остановились возле тира. Стройка была покрыта истертой ковровой дорожкой. Четыре лампы под жестяными козырьками ярко освещали противоположную сторону. Там были укреплены фигурки, грубые, аляповатые, рябые от пуль. Они то и дело переворачивались, повисали вверх ногами, на месте жирного империалиста в цилиндре выросла фиолетовый негр со сжатыми кулаками, львы прыгали через обруч, лопасти мельницы сливались в ровный блестящий круг...²⁹

С. Довлатов не отделяет первое предложение, которое сильно выбивается из абзаца с точки зрения содержания, так как это лишний раз отвлекло бы внимание читателя. Описательный отрывок, как и предыдущий, наполнен тропами, например: «фигу́рки, гру́бые, аляпова́тые, рябы́е от пу́ль». В этом отрывке можно выделить преобладающий ритм – семь стоп

²⁸ Довлатов С.Д. Солдаты на Невском // Малоизвестный Довлатов. Сборник. / Сост. А.Ю. Арьев. СПб.: Журнал «Звезда», 1995. С. 339.

²⁹ Там же. С. 348.

ямба, который прерывается на словах «от пуль». Однако это не единственное, что создает целостность образа. Если обратить внимание на ударные гласные в словах отрывка, они образуют внутреннюю рифму: «фигурки, грубые <...> от пуль»; помимо ассонанса на [y] есть и ассонанс на [a]: «аляповатые, рябые». Так, использование сразу нескольких тропов, присущих стихотворениям, позволяет сформировать более яркий и полноценный образ в рассказе.

В конце этого же абзаца наблюдаются более объемные ритмизованные отрывки:

...а когда флотский мичман всадил пулю в едва различимую белую точку, сначала раздалось шипение, а потом зазвучали слова довоенной песни:

В запыленной связке старых писем
Мне недавно встретилось одно,
Где строка, похожая на бисер,
Расплылась в лиловое пятно...
Что же мы тогда не поделили
Разорвав любви живую нить...

– А! – сказал хромой начальник тира. – Вот служивые покажут, как нужно стрелять.³⁰

Начало отрывка можно разделить таким образом: «а когда флотский мичман всадил...» (анapest, 3 стопы), «...пулю в едва различимую белую точку...» (дактиль 5 стоп). Ритм меняется на слове «пуля», и это его интонационно выделяет, так как два ударения стоят рядом: «всади́л пу́лю». За ним следуют два ритмизованных отрывка: «сначала раздалось шипение» (ямб), «а потом зазвучали слова довоенной» (анapest, 4 стопы). Ритм нарушается на последнем слове – «песни» – и образует интонационную паузу, как бы «готовит» читателя к последующему стихотворному отрывку.

Песня написана пятистопным хореем. Повествование, следующее за ней, ей вторит – оно написано тем же размером: «– А! – сказал хромой начальник тира. – / Вот служивые покажут, как...». Начало повествования как бы встраивается в мелодию песни и постепенно из нее выходит – хореический ритм ломается после двух стихов по пять стоп в самом конце предложения. На примере этого отрывка можно отметить, что рассказ состоит из разных «мелодий» – по-разному скомпонованных между собой ритмизованных отрывков. Они составляют собой единую музыкальную фразу, благодаря чему внимание читателя не отрывается от текста.

Следующий описательный отрывок – дом семьи знакомых Рябова:

³⁰ Довлатов С.Д. Солдаты на Невском // Малоизвестный Довлатов. Сборник. / Сост. А.Ю. Арьев. СПб.: Журнал «Звезда», 1995. С. 348.

«Дом на Марата был украшен старинными лепными колоннами. Солдаты миновали полутемный двор. По углам возвышались мусорные баки. Чахлый газон с оградой из проржавевших труб лишь подчеркивал массивное убожество этих неотштукатуренных стен с желтыми и розовыми окошками. Старик с лохматой болонкой указал им дорогу. Солдаты поднялись на четвертый этаж³¹.

Значительную часть текста занимают диалоги героев, и ни один не доведен до конца. Предмет разговора все время меняется, в них нет лейтмотива. Все они – мимолетные, по-отдельности они не несут большого смысла.

– И с зэками, говорю, постороже.
– Да я бы передушил их, гадов! – сказал Андрюха. –
Это точно, – подтвердил Васька Рябов. – Можете идти.
Друзья козырнули и вышли. Вслед им раздавалось:
От Москвы до Калуги
Все танцуют буги-вуги...³²

Можно утверждать, что их смысл для текста состоит в их бессмысленности и незавершенности. Автор изображает «солдат на Невском»: диалоги и взаимодействия героев не ведут к развитию сюжета, а формируют их подробный, тонкий образ: контекст, в котором они пребывают, впечатления, которые получают от города. Впечатление «случайности» создается за счет намеренно бедного сюжета, резко прерывающихся и начинающихся ритмических отрывков, коротких фраз, неожиданной и неоднократной смены стиля повествования. Так, автор передает в тексте конкретное ощущение, «субъективное впечатление»³³, как его называет Гаспаров. Помимо уже отмеченных признаков лирического жанра, можно выделить бессюжетность, членение на короткие абзацы, напоминающие скорее строфы.

Иная жизнь

«Иная жизнь» отличается от проанализированных ранее текстов жанром – это не рассказ, а «сентиментальная» повесть, как автор ее озаглавливает. Содержание текста более тяготеет к эпическому, нежели к лирическому, как, например, «Блюз для Натэллы». Повесть превосходит рассказы по объему, она ритмизирована в меньшей степени – в это время преобладает, напротив, сюжетная составляющая.

³¹ Довлатов С.Д. Солдаты на Невском // Малоизвестный Довлатов. Сборник. / Сост. А.Ю. Арьев. СПб.: Журнал «Звезда», 1995. С. 350.

³² Там же. С. 353.

³³ Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х–1925-го годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993. С. 15.

Повесть названа «сентиментальной»: герой ищет смысл жизни, но сама идея «смысла» настолько же абсурдна, насколько абсурден сюжет. Повествование прерывисто: текст разделен на мелкие части, разобщенные по содержанию, которые образуют общую картину только после прочтения целиком. В повести жизнь представлена как абсолютный хаос. Через алогичность событий лейтмотивом проходят экзистенциальные размышления героя.

Красноперов соприкасается с «иной» жизнью, то есть жизнью других людей и другой страны, когда впервые выезжает за границу. Это соприкосновение происходит на разных уровнях. Например, на пространственном уровне, когда герой оказывается во Франции:

Как странно, – думал он, – чужая жизнь, а я здесь только гость! Уеду – все исчезнет...» (ямб, 11 стоп), «...Не будет здания ратуши. Не будет ярко выкрашенных газгольдеров. <...> А может быть, что-то останется? Все останется, а меня как раз не будет?»³⁴ (ритм отсутствует).

На межличностном уровне соприкосновение с «иной жизнью» происходит, когда Красноперов взаимодействует с новыми людьми, например, с малярами в детстве. Их привычки и «язык», в частности, жаргонные выражения, еще непонятны ему. Их жизнь для него – тайна: «Наконец маляры ушли, оставив в квартире след чужой и таинственной жизни. Папа и мама облегченно вздохнули»³⁵. В этом отрывке ритмизованы только слова «след чужой и таинственной жизни» (анapest, 3 стопы)³⁶.

«Иная жизнь» для героя – это что-то, что никогда не будет полностью понятно. Можно сделать такой вывод из размышлений героя о браке:

«Твоя единственная жизнь, столь ясная, понятная, родная, ...» (ямб, 9 стоп), «... – будет принадлежать другому человеку? ...» (ритм отсутствует), «...А непонятная, загадочная, / и, мало этого...» (ямб, 4 и 2 стопы), «...подозрительная жизнь другого человека / вдруг отчасти станет» (хорей, 7 и 3 стопы), ритм прерывается на слове «твоей»³⁷.

Апогеем размышлений Красноперова становится его попытка осмыслить собственную жизнь вне привязки к «иной»:

«Что есть жизнь? – подумал Красноперов...» (хорей, 5 стоп), «...Что есть жизнь без любви?!...» (анapest, 3 стопы), «Что стоят все мои обиды? Все былые муки и нечаянные радости?» (ямб, 11 стоп), «<...> Вся эта жизнь – ничто! <...> Кто я такой? – вскричал филолог...» (ямб, 7 стоп),

³⁴ Довлатов С.Д. Иная жизнь // Заповедник. Сборник. СПб.: Азбука-Аттикус, 2023. С. 160.

³⁵ Там же. С. 163.

³⁶ Там же. С. 163.

³⁷ Там же. С. 169.

«– Захламленный пустырь?..» (анapest, 2 стопы), «Обломок граммофонного диска?» (ритм отсутствует)³⁸.

Покой в мыслях Красноперов обретает неожиданно, когда пьяница помогает ему донести чемодан и приглашает в гости. В этом отрывке, в отличие от предыдущих, ритм практически полностью отсутствует: «И сразу же ощущение покоя возникло у Красноперова. Все показалось ему мучительно дорогим и близким. Забулдыга в дорогом, испачканном сметаной пальто. Трещины на асфальте. <...> Все то, что было. И все то, что будет. Все это составляло единственную, нужную, знакомую жизнь...»

Оканчивается повесть стихотворением, как называет его сам автор в письме к Науму Сагаловскому: «Стишки в прозаическом тексте – очень древний фокус»³⁹. Он поясняет его значение так: «Стилистически это – курсив, выделение. Все равно, что печатать абзац зеленой краской»⁴⁰.

Из финального абзаца можно заключить, что герой повести не в состоянии найти «разгадку» по желанию. В качестве альтернативы смыслу герой обретает спокойствие, которое находит в жизни как таковой («Все это составляло единственную, нужную, знакомую жизнь...»⁴¹).

Повесть «Иная жизнь» ритмизована гораздо слабее, чем рассмотренные ранее в работе тексты. Настолько продолжительно сохраняющийся в финальном отрывке ритм очень выделяется на фоне предшествующего текста. Заканчивая повесть таким образом, Довлатов усиливает абсурд происходящего в ней: конкретный смысл у жизни отсутствует («все это бред»), в противовес этому – «разгадка в нас самих», и ее человек узнает «в последнюю минуту». Так, «бредом» в стихотворении названы попытки героя «разгадать» жизнь. На это указывает ритмизованность отрывков, в которых герой задумывается об «иной» жизни, что можно отметить на основе приведенных выше примеров.

Эволюция творчества Довлатова

Довлатов начинает творческий путь со стихотворений, но не воспринимает их серьезно, поэтому продолжает писать в прозе. Его ранние прозаические тексты более ритмизованы, чем поздние: таким образом, автор отходит от стиха постепенно – сначала меняет форму, но оставляет ритм. Позже Довлатов использует и его в меньшей степени – на смену сильной ритмизации текста пришли «вериги»⁴² (автор начинает слова одного пред-

³⁸ Довлатов С.Д. Иная жизнь // Заповедник. Сборник. СПб.: Азбука-Аттикус, 2023. С. 180.

³⁹ Довлатов С.Д. Сквозь джунгли безумной жизни: Письма к родным и друзьям. М., 2003. С. 312

⁴⁰ Там же. С. 312.

⁴¹ Довлатов С.Д. Иная жизнь // Заповедник. Сборник. СПб.: Азбука-Аттикус, 2023. С. 185.

⁴² Довлатов С.Д. Сквозь джунгли безумной жизни: Письма к родным и друзьям. М., 2003.

ложения с разных букв). Так, сначала с помощью ритма, а позже с помощью «вериг» Довлатов достигает емкости, особенной выверенности, точности слов. Усиленная ритмизация в ранней прозе Довлатова – отголоски его поэтического опыта. Позже он сменил метод, позволяющий сделать текст емким, и выбрал более «прозаический» – «вериги».

Не только ритмизация обеспечивает «емкость» текстов Довлатова. Так, среди стиховых черт, обозначаемых М.Л. Гаспаровым, обнаруживаются: выражение субъективного переживания, ослабленность сюжета, «повышенная эмоциональность стиля»⁴³, маленький объем абзацев и текста в целом.

Литература

- Белый А. О художественной прозе // Горн. 1919. № 2/3. С. 55.
- Бродский И.А. Эссе о Сереже Довлатове // Довлатов С.Д. Собрание прозы: в 3 т. Т. 3. СПб.: Лимбус-Пресс, 1995. С. 358.
- Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х – 1925-го годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993. С. 5-20.
- Генис А.А. Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 1999. С. 37-301.
- Довлатов С.Д. Армейские письма к отцу // Творчество, личность, судьба. СПб.: Журнал «Звезда», 1999. С. 36-79.
- Довлатов С.Д. Иная жизнь // Заповедник. Сборник. СПб.: Азбука-Аттикус, 2023. С. 158-185.
- Довлатов С.Д. Сквозь джунгли безумной жизни: Письма к родным и друзьям. М., 2003. С. 85-122.
- Довлатов С.Д. Солдаты на Невском // Малоизвестный Довлатов. Сборник / Сост. А.Ю. Арьев. СПб.: Журнал «Звезда», 1997. С. 335.
- Орлицкий Ю.Б. Стих и проза в русской литературе. М., 2002. С. 18.
- Орлицкий Ю.Б. Стиховое начало в прозе третьей волны // Литература «третьей волны». Сборник научных статей / под ред. В.П. Скобелев. М.: Изд-во «Самурайский университет», 1997. С. 55-69.
- Русская семантическая поэтика как потенциальная культурная парадигма / под ред. Ю.И. Левина, Д.М. Сегала, Р.Д. Тищенко, В.Н. Топорова, Т.В. Цивьяна // Вопросы русской литературы, 1974, С. 47-82.
- Томашевский Б.В. Стих и язык. М., Л.: Гослитиздат, 1959. С. 9.
- Хаит В.И. Истоки музыки. О письмах Сергея Довлатова отцу из армии // Вопросы литературы. 2002 №3. С. 271-282.
- Эйхенбаум Б.М. Как сделана «Шинель» Гоголя // Эйхенбаум Б. О прозе. О поэзии. Л.: Худож. лит., 1986. С. 36.

С. 239.

⁴³ Гаспаров М.Л. Русские стихи 1890-х–1925-го годов в комментариях. М.: Высшая школа, 1993. С. 15.

References

- Belyy A. O khudozhestvennoy proze [On fiction]. *Gorn.* 1919. N. 2/3. P. 55 (in Russian).
- Brodskiy J.A. Esse o Serozhe Dovlatove [An essay about Seryozha Dovlatov], in Dovlatov S.D. *Sobranie prozy: v 3 t. T. 3* [Dovlatov S.D. Collected prose: in 3 vol. Vol. 3.] Saint-Petersburg: Limbus-Press, 1995. P. 358 (in Russian).
- Dovlatov S.D. Armeyskie pis'ma k otsu [Army letters to father], in *Tvorchestvo, lichnost', sud'ba* [Creative work, personality, fate]. Saint-Petersburg: Journal "Zvezda" Publ., 1999. P. 36-79 (in Russian).
- Dovlatov S.D. Inaya zhizn' [Another life], in *Zapovednik. Sbornik.* [Nature Reserve. Collection] Saint-Petersburg: Azbuka-Attikus Publ., 2023. P. 158-185 (in Russian).
- Dovlatov S.D. *Skvoz' dzhungli bezumnoi zhizni: Pis'ma k rodnym i druz'yam* [Through the jungle of a crazy life: Letters to family and friends]. Moscow, 2003. P. 85-122 (in Russian).
- Dovlatov S.D. Soldaty na Nevskom [Soldiers on Nevsky Prospekt], in *Maloizvestnyy Dovlatov. Sbornik* [Little-known Dovlatov. Collection], ed. by A.Yu. Aryev. Saint-Petersburg: Journal "Zvezda" Publ., 1997. P. 335 (in Russian).
- Eikhenbaum B.M. Kak sdelana "Shinel" Gogolya [How Gogol's "The Overcoat" is made], in Eikhenbaum B. *O proze. O poezii* [About prose. About poetry]. Leningrad: Khudozh. lit. Publ., 1986. P. 36 (in Russian).
- Gasparov M.L. *Russkie stikhi 1890-kh-1925-go godov v kommentariyakh* [Russian poems of the 1890s-1925, commented]. Moscow: Higher School Publ., 1993. pp. 5-20 (in Russian).
- Genis A.A. *Dovlatov i okrestnosti* [Dovlatov and surroundings]. Moscow: Vagrus, 1999. P. 37-301 (in Russian).
- Khait V.I. *Istoki muzyki. O pis'makh Sergeya Dovlatova otsu iz armii* [About Sergey Dovlatov's letters to his father from the army]. *Voprosy literatury.* 2002. N. 3. P. 271-282 (in Russian).
- Orlitskiy Yu.B. *Stikh i proza v russkoy literature* [Verse and prose in Russian literature]. Moscow, 2002. P. 18 (in Russian).
- Orlitskiy Yu.B. Stikhovoye nachalo v proze tretyey volny [The beginning of poetry in the prose of the third wave], in *Literatura "tretyey volny". Sbornik nauchnykh statey* [Literature of the "third wave". Collection of scholar articles], ed. by V.P. Skobeleva. Moscow: Samurayskiy universitet Publ., 1997. P. 55-69 (in Russian).
- Russkaya semanticheskaya poetika kak potentsial'naya kul'turnaya paradigma* [Russian semantic poetics as a potential cultural paradigm], ed. by Yu.I. Levin, D.M. Segal, R.D. Timenchik, V.N. Toporov, T.V. Tsiv'yan, in *Voprosy russkoy literatury* [Questions of Russian literature]. 1974. P. 47-82 (in Russian).
- Tomashevskiy B.V. *Stikh i yazyk* [Verse and language]. Moscow, Leningrad: Goslitizdat Publ., 1959. P. 9 (in Russian).

Poetic features in S. Dovlatov's prose

Ksenia Ermakova, student, National Research University "Higher School of Economics" (Moscow), kvermakova@edu.hse.ru

In the article the influence of Sergey Dovlatov's poetic experience on his prose is studied. The research includes an analysis of poems from the collection "Army Letters to my Father" and an analysis of the author's early prose, which allows us to identify common features of his poetics in different periods. It is important that the article is partially based on revealing the presence of "signs of lyrical features" identified by M.L. Gasparov. The article reveals Dovlatov's gradual transition from poetry to prose. The changes can be traced in terms of the rhythm and genre: the author's early prose texts are more rhythmic than the later ones. The intensified rhythmization of Dovlatov's early prose is an echo of his poetic experience. At first, the form changes (poetic to prose), but the rhythm stays. Later, Dovlatov uses it less – the strong rhythmization of the text is replaced by new, special writing rules (the author begins all the words of the same sentence with different letters). Thus, Sergey Dovlatov is gradually changing the way to achieve the "capacity" of the text from a more "lyrical" to a more "prosaic" one.

Keywords: Russian literature of the XX century, rhythmic prose, poetry of Dovlatov, evolution of creativity

For citation: Ermakova K.V. (2025) Poetic features in S. Dovlatov's prose // *Metamorphosis*. Vol. 10. N. 1. P. 27-44.

Date of receipt: 29.07.2025.